

История философии, ее цели и пути¹

История философии, как и всякая история, имеет двойную задачу. Происходящее она должна *изложить*, а также она должна его *объяснить*, выясняя его причины и — через познание этих причин — включая частное в некую объемлющую взаимосвязь. Решение одной из этих задач предполагает решение другой, и любой прогресс, достигаемый нашим познанием с одной стороны, поддерживает прогрессивное развитие с другой. Но все же эти задачи не совпадают, и исследователь истории не должен забывать об их различии, если он благоразумно хочет избежать путаницы между своими предположениями и фактами. Факты являются предметами внешнего восприятия, если они случаются в телесном мире, и внутреннего, если случаются в мире сознания. Наблюдение — таков прямой путь к их познанию; если же речь идет о познании прошлого, — то это предание. Чтобы познакомиться с историческими фактами как таковыми, нужно обратиться к историческим источникам, выяснить их происхождение и достоверность, собрать воедино, сравнить и проверить их сведения. И только там, где они нас подводят, где они противоречат сами себе, утверждают нечто невозможное или невероятное, где в сообщаемых ими сведениях обнаруживаются пробелы, — только в этом случае в качестве дополнительного вспомогательного средства познания должна выступать комбинация (Combination), которая из известных нам исторических фактов выводит неизвестные, выявляя либо следствия, либо условия той фактичности, которая нам известна. Все подобные выводы тем рискованнее, чем полнее мы, следуя этому пути, пытаемся определить частности исторических событий. Лишь при особо благоприятном стечении обстоятельств вероятность этих выводов может быть выше средней. Метод исторической комбинации находит намного более широкое применение, если речь идет об установлении взаимосвязи и оснований исторических явлений. Ибо, строго говоря, мы получаем сведения об этом тогда, когда мы располагаем собственными высказываниями действующих лиц относительно моти-

¹ Перевод Марины Вырской по изданию: Zeller E. Die Geschichte der Philosophie, ihre Ziele und Wege // Archiv für Geschichte der Philosophie. Herausg. v. Ludwig Stein. 1. 1888. S. 1–10. Редактор перевода — Виталий Куренной.

вов их действий или же относительно оснований их допущений, равно как и относительно того, каким образом они пришли к этим допущениям. Подобные высказывания имеют, разумеется, неопределимое значение для истории науки. Если же, напротив, нам недостает таких личных свидетельств, или речь идет о далеко простирающихся исторических связях, тогда мы, изучая историю, направляемся по тому же пути, на который вступает и исследование природы для объяснения фактической данности — на путь предположений о причинах и каузальных связях явлений, на путь гипотез. Ибо если какой-то человек может засвидетельствовать, что он действовал с этим определенным намерением, преследовал именно эту цель, что он при выборе своих средств или при формировании своих взглядов руководствовался такими-то соображениями, а также испытывал со стороны других людей такое-то воздействие, находил помощь или встречал препятствие, то в таком случае все это попадает в область его самонаблюдения. То, что, напротив, выпадает из этой области, является уже не предметом непосредственного опыта, а предположения. Того самого метода заключений, посредством которого должны быть установлены каузальные взаимосвязи, которые по своей природе ускользают от наблюдения, как и всякое каузальное отношение. Но то, что относится к гипотезе как таковой, справедливо и относительно исторических гипотез: они лишь тогда правомерны, когда их выдвижения требуют известные нам факты и когда они удостоверяются этими фактами. Научная гипотеза является не внезапной идеей, мыслью, а дополнением фактов посредством их причин. Это могут быть приведшие к данному определенному результату частные причины, что имеет место в случае всех исторических гипотез, или же всеобщие причины, т. е. такие, из которых вытекает целый ряд явлений. К гипотезе можно прибегнуть только тогда, когда известные нам факты нуждаются в объяснении; и в нее не стоит включать ничего, что не требуется для достижения этой цели. Во многих случаях нам достаточно для этого очень простых предположений, и они обладают столь высокой вероятностью, что вряд ли можно сомневаться в их правильности. В других случаях пробелы в предании так велики, что их можно заполнить только посредством сложных гипотез. Условия, при которых достигим определенный успех, столь разнообразны, что с трудом можно распознать, какие из них ему способствовали и какую именно роль при этом сыграло каждое из них. Но ровно в такой же степени и наши предположения теряют здесь свою надежность. Ибо чем многочисленнее пути, способные объяснить какое-то явление, тем с меньшей уверенностью можно утверждать об одном из них, что именно он ведет к цели. Поэтому должны быть выявлена ошибочность вообще *всех* мыслимых в этом случае путей, или все следы, идущие из разных точек, должны приводить именно на этот единственный путь. Только в том случае, если историк умеет различать эти степени достоверности и правильно оценивать вероятность каждой гипотезы, он может претендовать на признание его научной осмотрительности и беспристрастности.

Предмет, с которым имеет дело история философии, представляет собой, вообще говоря, попытку выработать единый научный взгляд на мир и на предназначение [Aufgaben] людей. Эти попытки должны быть представлены в своем историческом развитии и своей исторической взаимосвязи. Но чтобы решить эту задачу настолько всеобъемлющим образом, насколько это позво-

ляют наши вспомогательные средства, необходимы чрезвычайно обширные и сложные исследования. Сначала следует установить, чему в действительности учили известные нам философы. Но зачастую это нелегкая задача даже в том случае, если мы можем почерпнуть эти сведения из их собственных произведений. Ибо даже у первостепенных мыслителей — таких как Платон, Аристотель, Спиноза, Кант и т. д. — мы нередко сталкиваемся с пробелами, которые должны быть восполнены, с неясностями и противоречиями, которые должны быть устранены. И спрашивается, можно ли при этом не приписать автору нечто ему чуждое, не вложить в его уста ответы на вопросы, которые он сам оставил без ответа и которыми он, возможно, даже и не задавался? Эти вопросы нельзя разрешить, ограничиваясь только сравнением отдельных высказываний, но необходимо иметь в виду манеру мышления и характер представлений какого-то философа в целом, нужно поставить себя в центр его системы, проследить нити, связывающие его со всем прочим, — все это нужно в том случае, если мы хотим вынести суждение о том, чего мы здесь можем достичь, а чего нет, в каких случаях нас могут ожидать пробелы и противоречия, в каких случаях неясность выражения происходит из неопределенности понятия, а в каких ораторское или поэтическое приукрашивание изложения скрывает научную слабость. Но только таким образом и можно получить верное представление о философской системе. Потому что чем прочнее связь, которая в этой системе скрепляет единичное с целым, тем менее мы способны понимать это <единичное> в его изначальном смысле, если мы не мыслим его во взаимосвязи и, следовательно, вне тех ближайших целевых предназначений [Bestimmungen], которые побудили создателя системы включить его в свое мышление. Но, с другой стороны, понять основные идеи и взаимосвязь системы можно все же только из разъяснений ее создателя. Поэтому понимание философской системы требует от воссоздающего мышления деятельности двоякого рода: аналитической и синтетической. К центральному пункту системы необходимо продвигаться с помощью правильного понимания и логического анализа имеющихся в нашем распоряжении повествований, и уже исходя из него следует понимающим образом реконструировать взаимосвязь единичного. Только если результаты первого подхода совпадают с результатами второго (при правильном применении обоих), мы получаем картину последовательно выстроенной системы; в противном случае, в систему включены целевые предназначения, которые неправомерны с точки зрения ее научных предпосылок. Понимание философских систем, следовательно, невозможно без способности и развития систематического мышления. Но оно также невозможно для того, кто для их познания принимает во внимание только логический вывод из принципов этих систем, — каковым он *ему* представляется. Потому что нет никакой необходимости в том, чтобы философы древности из определенных предпосылок выводили всегда те же самые следствия, которые *мы* бы из них вывели. Дело в том, что мысли, логическая связь которых образует систему, как правило ей предшествуют. И система лишь приводит их во взаимосвязь и модифицирует их в соответствии с этой взаимосвязью. В большей или меньшей степени так будет всегда. Но именно у богатых и творческих умов многое проникает в систему, не вполне ею усваиваясь и не во всех отношениях согласуясь с другими ее целевыми предназначениями.

Если сочинения философов не дошли до нас вовсе или же только в отрывках, если сомнительна подлинность работы, дошедшей до нас под их именем, то в таком случае потребуются дальнейшие исследования. Такого рода случаи часто и широко представлены именно в истории древней философии. Какие сочинения и какие фрагменты следует считать подлинными? В какое время и в каких кругах создавались подделки? Как мы должны объяснить себе их происхождение, и как нужно их использовать, чтобы узнать образ мышления и устремления породивших их эпох и школ? Кроме того, если взгляды философов переданы нам третьими лицами, то насколько заслуживают доверия их сведения? Из каких источников они были почерпнуты? По каким признакам можно определить, правильно ли очевидец понял те допущения, о которых он сообщает, не упустил ли он что-то существенное, не добавил ли что-нибудь от себя? Каким образом, наконец, можно получить представление о целом в тех случаях, когда в нашем распоряжении лишь фрагменты сочинений и разрозненные сведения о какой-то философской системе, а также какова достоверность тех комбинаций, при помощи которых мы пытаемся представить себе это целое? Ответ на большинство этих вопросов требует соединения философского и историко-философского исследования²; на многие из них в определенных случаях можно ответить лишь приблизительно и с оговорками. Но среди них нет вопросов, от которых история философии могла бы уклониться, равно как и таких, ответ на которые может быть получен помимо точного знания исторического предания и фактов, подлежащих установлению с его помощью.

История философии должна не только знакомить нас с учениями и системами философов, но она должна также включать их в историческую взаимосвязь, которой они принадлежат, и объяснять их, отправляясь от этой взаимосвязи. Здесь перед ней встает ряд важных задач. Научная теория является, прежде всего, делом какого-то определенного индивида. Чтобы постичь эту теорию в ее возникновении, понять изначальное значение ее целевых предназначений и их схождение в едином целом, мы должны — настолько, насколько это возможно, — отдавать себе отчет в том, каким образом, в какой последовательности и взаимосвязи у ее автора формировались идеи, связанные в его системе. Поскольку же эти идеи обусловлены его духовным своеобразием, ходом развития этого своеобразия, пережитым им опытом, приобретенными знаниями, побуждениями и наставлениями, полученными им от других людей, то это ведет ко всем тем биографическо-психологическим исследованиям, которые хотя и представляют интерес в других отношениях, но сущностное значение которых для истории философии состоит в том, чтобы объяснить нам возникновение философской системы из ее ближайшего источника. Разумеется, мы сравнительно редко в состоянии дать достаточное объяснение такого рода, поскольку в большинстве случаев слишком мало осведомлены о личности и о развитии философа. Там же, где такой материал предоставлен обильнее всего, мы, задавая *тот самый* вопрос, ответ на кото-

² Да простят мне малоупотребительное слово, отсутствие которого создает ощутимое неудобство. Оно создано по той же языковой аналогии, что и «историко-искусствоведческий», «историко-литературный», «историко-церковный» и т. д.

рый представлял бы для нас наибольший интерес, — а именно вопрос о внутренних процессах и мотивах, которые обусловили формирование определенной системы, — слишком часто сталкиваемся с пробелами, которые лишь весьма неудовлетворительным образом могут быть заполнены с помощью обратных заключений из уже сложившейся системы. Но даже в том случае, если бы дело обстояло не так, биографически-психологический прагматизм разъяснял бы нам лишь самые поверхностные основания возникновения системы. Более глубокие и общие основания оставались бы, напротив, неисследованными. И все же только их исследование позволяет нам преобразовать историю *философов* в историю *философии*. Ибо история философии исходит из предположения: все то, что мыслят, к чему стремятся и что достигают индивиды — сколь бы многообразно и противоречиво в частностях это ни было, — все это, тем не менее, одновременно образует историческое единство. И единство это является не только идеальным. Речь идет не о том, что историк, руководствуясь определенными внешними и внутренними признаками, национальностью, сосуществованием в определенном месте и в определенное время, а также сходством учений, объединяет в большие группы философов и философские системы, чтобы затем еще раз связать их между собой. Дело в том, что в ходе воздействия индивидов друг на друга между ними устанавливается реальная взаимосвязь: формируются школы, возникает преемственность философских учений и литература, предыдущее становится условием последующего, стремления, сосуществующие в одно и то же время, воздействуют друг на друга то стимулирующим, то парализующим образом, поддерживают и оспаривают друг друга, причем зачастую как раз опровержением оказывая друг другу наибольшую услугу. То, что при поверхностном рассмотрении кажется лишь хаотичным столкновением отдельных лиц и мнений, при более тщательном и основательном изучении предстает в качестве исторического развития, в котором все в той или иной степени связано со всем. Но только то сможет оказывать всеобщее и продолжительное воздействие, что соответствует всеобщим условиям этого развития, коренящимся в обстоятельствах и потребностях целых эпох и народов. Непреходящая заслуга *Гегеля* состоит в том, что он более настойчиво, чем кто-либо до него, указал на эту закономерную взаимосвязь исторических явлений и рассмотрел с этой точки зрения именно историю философии. Но неверно и обманчиво было при этом понимать всякую взаимосвязь как чисто логическую и провозглашать принцип, в соответствии с которым последовательность философских систем идентична последовательности логических категорий и может быть подобно им обнаружена с помощью диалектической конструкции. Наша нынешняя историография, включая ту, предметом которой является философия, освободилась от этого недоразумения. Ей известно не только то, что нельзя сконструировать исторические явления, но также и то, что взаимосвязь между ними может быть извлечена только из самих этих явлений. Поэтому верную картину исторического развития — о какой бы области ни шла речь — мы можем получить только путем исследования фактической каузальной взаимосвязи, а не с помощью телеологического постулата. Следует спрашивать не о том, что должно было произойти, чтобы определенное, уже достигнутое или еще только ожидаемое состояние стало результатом исторического хода событий, но пытаться

понять то, что состоялось в любой момент времени, включая, наконец, и всеобъемлющее целое, отправляя от его условий. Поэтому современная историография будет остерегаться также односторонности (у самого Гегеля заметной меньше, чем у отдельных его учеников), которая трактует философское развитие как замкнутый, сам по себе протекающий процесс и слишком мало обращает внимание на его связь с политической и общей историей культуры. Разумеется, сложнее всего избежать такой односторонности при попытке диалектически сконструировать историю философии. Ибо чем значительнее инородные элементы вмешиваются в ее ход, тем труднее придерживаться допущения, будто каждая <философская> система является только логическим следствием предшествующей. Но само по себе совершенно немислимо, чтобы движение науки когда-либо могло происходить лишь для себя, без взаимодействия с остальными областями духовной жизни и общественными обстоятельствами. История доказывает нам, сколь значительно, нередко прямо-таки решающим образом все это воздействует на движение науки. Философское развитие не может быть объяснено из одного-единственного принципа, но лишь исходя из многих взаимодействующих условий. Личность философов, воздействие предшествующих систем на последующие, влияние общих политических и культурных обстоятельств объединяются, чтобы определить ход этого развития. Каждый из этих факторов, в свою очередь, также состоит из различных элементов, и вклад каждого в конечный результат может быть либо большим, либо меньшим. Но задача исторического исследования заключается в том, чтобы держать их все в поле зрения и отслеживать влияние каждого из них настолько, насколько это возможно.

Этих кратких указаний, пожалуй, достаточно, чтобы обратить внимание на объем и разнообразие задач, которыми должна заниматься история философии. Но они должны указать также на то, что в пределах истории философии все эти задачи направлены к общей цели и должны решаться в соответствии с одним и тем же строго историческим методом. Для всех тех, кто расположен к сотрудничеству в указанном здесь смысле, мы открываем в *Архиве истории философии* дискуссионный зал для свободного обмена своими взглядами и результатами. Все попытки, призванные новыми исследованиями содействовать нашей науке, мы постараемся внимательно отследить в наших итоговых годовых выпусках, выпустив книгу, где сообщается об их научном вкладе. Изложение истории как таковое всегда будет делом отдельных людей, которые изображают исторические события, следуя тому образу, который сложился в их уме. Но этот образ получится тем правдивее и жизненнее, чем глубже было исполненное пониманием проникновение в материал, который доставляют нам исторические источники. Однако этот материал для истории философии так необычайно богат, а его научная обработка является столь запутанной задачей, что ее решение может быть достигнуто лишь совместными усилиями многих исследователей. Цель нашего журнала заключается в том, чтобы облегчить это сосредоточение научных сил вокруг общей работы над историей философии.